

ЗА РОДНУЮ ВЛАСТЬ

Весной 1918 года фронты в приграничных районах были упразднены и вместо них созданы так называемые завесы — Северная, Западная и Южная. Они имели отряды, опиравшиеся на города и крупные населенные пункты. Воронежская губерния, ставшая ареной жестоких классовых битв, входила в состав Южной завесы, которая в соответствии с общим стратегическим планом должна была оборонять огромную линию фронта Валуйки — Острогожск — Лиски — Новохоперск — Балашов.

К тому времени на линии Южной завесы дислоцировались разрозненные, не связанные между собой краспогвардейские и партизанские части. На участке Россошь, Острогожск стоял 107-й Волчанский полк Сахарова, который, кстати говоря, впоследствии доставил нам много неприятностей. В районе станции Пасеково базировался боевой участок, возглавлявшийся А. В. Павловым. В его распоряжении были украинский партизанский полк Фурастева, Полтавский полк Головки, чешский отряд Кучери, кавалерийские отряды Дженева и И. Н. Домнича.

Город Богучар и уезд защищал сформированный местными органами власти из солдат и крестьян-добровольцев 1-й Богучарский советский полк. Сначала им командовал К. Я. Прокопенко, затем бывший солдат старой армии В. А. Малаховский.

Военным руководителем Воронежского отряда Южной завесы являлся бывший генерал-лейтенант царской армии В. В. Чернавин, командовавший во время первой мировой войны 2-м гвардейским корпусом. Это был добросовестный военный специалист, не изменивший кровному делу родного народа, делу революции. В отряде были два комиссара, присланные из центра, — Н. П. Крюков и некто Иванов. Вскоре после назначения Иванов отправился на

автомобиле знакомиться с частями завесы и при неизвестных обстоятельствах попал в плен к белым. Вместо него утвердили меня. Одновременно я был председателем губисполкома и исполнял обязанности военкома Воронежской губернии.

В мае 1918 года в связи с усилившейся военной опасностью в нашем отряде был образован Военный совет. В его состав вошли: представитель Высшего Военного Совета Республики Н. П. Крюков, В. В. Чернавин и я.

Учитывая сложившуюся обстановку и руководствуясь указаниями вышестоящих инстанций, губернский военкомат вместе с военными комиссариатами уездов и волостей приступил к формированию 1-й и 3-й пехотных воронежских дивизий. Полки и специальные части создавались в самом Воронеже, в Богучаре, Острогожске, Коротояке, Лисках и Боброве.

К 30 сентября 1918 года из войск Воронежского района Южной завесы была образована 8-я армия во главе с В. В. Чернавиным. Будет не лишним заметить, что командующие армией менялись слишком часто. В конце ноября В. В. Чернавина сменил бывший полковник старой армии В. М. Гитис, возглавлявший впоследствии Южный, Западный и Кавказский фронты. С 26 января по 11 марта 1919 года 8-й армией командовал М. Н. Тухачевский, затем — Т. С. Хвесин, В. В. Любимов, а со 2 июля по 12 октября 1919 года временно исполнял должность командарма А. И. Ратайский. Таким образом, за один год сменилось шесть командующих. Различные стили руководства, естественно, в той или иной мере сказывались на общем состоянии войск.

Первым начальником политотдела 8-й армии была назначена Р. С. Самойлова-Землячка, член партии с 1896 года, бывший секретарь Московского Комитета РКП(б). В конце мая 1919 года ее заменила Г. И. Окулова-Теодорович, член партии с 1899 года, участница трех революций.

Не было постоянства и в Реввоенсовете 8-й армии. В первый его состав кроме командарма входили Александрини и И. Э. Якир. Потом членами Реввоенсовета назначались Г. В. Базилевич, Я. Весник, А. К. Розенгольц, Г. И. Окулова-Теодорович, Аусем, В. А. Барышников.

В начале октября 1918 года решением Воронежского губкома партии я был освобожден от гражданских долж-

ностных обязанностей и направлен для постоянной работы в действующую армию. Этого требовала обострившаяся фронтовая обстановка.

К тому времени Реввоенсовет 8-й армии организовал особую группу войск, располагавшуюся по линии Средний Икорец — Лиски. Командующим группой назначили А. И. Ратайского, а меня — комиссаром. Мы выехали в непосредственное расположение войск и остановились в селе Можайское, что в сорока километрах к югу от Воронежа.

Белые ожесточенно рвались к Воронежу, представлявшему собой важный стратегический и административно-хозяйственный пункт. Чтобы оказать помощь командованию особой группы в организации отпора белогвардейским войскам, в село Можайское, где располагался наш штаб, приехал И. Э. Якир. Его приезд воодушевил бойцов, командиров и политработников. Но вскоре произошел непредвиденный инцидент, отрицательно повлиявший на настроение людей.

Из штаба армии нам сообщили, что на станцию Икорец, находящуюся в десяти километрах от линии фронта, должен прибыть поезд Председателя Реввоенсовета Республики. Посоветовавшись, мы срочно подготовили доклад об обстановке на нашем участке фронта и втроем — И. Э. Якир, А. И. Ратайский и я — на машине отправились к месту прибытия поезда.

На станцию Икорец прибыли часов в девять вечера. Начальник группы войск А. И. Ратайский подробно проинформировал Троцкого о положении на нашем участке. В этот день шли ожесточенные бои с наступающими белыми полками. Не приняв никакого решения по докладу, Троцкий ушел в свое купе, а мы вместе с начальником поезда товарищем Петерсоном, который впоследствии в течение многих лет был комендантом московского Кремля, продолжали беседу.

Спустя некоторое время в вагон вошел командир одного из полков и доложил, что в неравном бою его часть понесла большие потери.

— Бойцы отступают за железнодорожное полотно и начинают оканываться, — сказал в заключение командир полка.

— Значит, между вашей частью и белоказаками не осталось ни одного красноармейского подразделения? — спросил Якир.

— Ни одного, — услышали мы в ответ.

— Видимо, у белоказаков плохо поставлена разведка, — заметил Якир, — иначе они предприняли бы попытку захватить этот поезд.

— Надо доложить Председателю Реввоенсовета, — предложил Ратайский. — Поезд следует отвести к станции Лиски. Она надежно прикрыта частями 33-й Кубанской дивизии. Вы согласны, Иван Александрович?

— Это единственно разумный выход, — ответил я.

Мы пошли к Троцкому и доложили наши соображения. И тут-то он полностью проявил свою фанфаронскую натуру:

— А что вы намерены делать?

— Оставаться на боевом участке вместе с войсками, — ответил Якир.

— В таком случае и я остаюсь здесь! — высокомерно произнес Троцкий и жестом указал нам на дверь.

Мы вышли. Создалось очень серьезное положение. Было совершенно ясно, что утром белоказаки могут захватить станцию, отрезать путь для отхода поезда и взять его в свои руки. Ответственность за это, разумеется, будем нести мы.

— Судя по всему, — заметил Якир, — завтра наши части не смогут оказать серьезного сопротивления противнику в районе этой станции. Конечно, это не решает судьбу всего Воронежского участка фронта. Положение мы выправим. Но как быть с поездом, товарищи?

Подумав, Ратайский сказал:

— В соответствии с имеющейся у нас директивой, Иван Александрович Чуев, как комиссар боевого участка, является начальником всех частей и подразделений в пределах занимаемого нами района. Надо воспользоваться этим правом и приказать Петерсону отвести поезд в Лиски.

— В обход самого наркома, — понимающе улыбнулся Якир. — Ну что ж, согласен.

Я обратился к Петерсону и приказал:

— Не докладывая наркому, отведите поезд в Лиски. Там безопасно.

— Слушаюсь! — ответил тот.

Утром Троцкий, якобы не заметивший передвижения, спросил Петерсона:

— Где мы?

— В Лисках, — доложил Петерсон.

— Почему в Лисках? — продолжал комедию Троцкий.

— По приказу Чуева.

Троцкий повернулся и молча ушел в свое купе. В этом инциденте он был весь со своим авантюризмом, двойной игрой. Мы были уверены, что Троцкий знал: поезд ответит в безопасную зону. Однако, сделав жест, он уже не мог поступить иначе. Такой авантюристической линией и была вся политика Троцкого. Вспомним хотя бы его нелепый лозунг во время брест-литовских переговоров: «Ни мира, ни войны». Как дорого это обошлось нам!..

Около месяца мужественно дрались наши бойцы и командиры с белоказаками, но силы были слишком неравны. Врагу удалось потеснить части особой Воронежской группы за линию железной дороги Балашов — Лиски и деревню Можайское, где располагался наш штаб. Нанося удары по неприятельским войскам, мы отходили к Воронежу. Самоотверженность группы была отмечена Реввоенсоветом армии: в процессе оборонительных сражений она сдерживала белогвардейские силы, изматывала их, не давая возможности отвлечься на другое направление.

22 октября 1918 года был отдан приказ войскам 8-й армии о переходе на общую нумерацию полков и дивизий. 2-ю Воронежскую преобразовали в 12-ю, а 3-ю — в 13-ю. Дивизии создавались трехбригадного состава — по три пехотных, одному кавалерийскому полку и по два артиллерийских дивизиона в каждой. Начальником 12-й пехотной дивизии назначили В. В. Любимова, комиссаром — меня.

Еще до преобразования нашего соединения в его состав входил большой партизанский отряд численностью свыше двух тысяч человек. Отступая с Украины, он проскочил через демаркационную линию, не дав противнику разоружить себя. Командовал отрядом анархист Сахаров.

Хотя этот отряд и преобразовали в 107-й Волчанский полк, Сахаров не исполнял боевых приказов, вел себя вызывающе, своими действиями подрывал авторитет Красной Армии. При штабе полка имелся конный отряд во главе с немцем Карлом. На него-то в основном и опирался Сахаров. Бандит по натуре, Карл с небольшой кучкой приближенных не сражался на фронте, а бесчинствовал в нашем тылу. Впоследствии его и других мародеров мы осудили и расстреляли.

Однажды этот бандит по приказанию Сахарова налетел на штаб дивизии и разгромил его. Начдиву и комис-

сару удалось бежать в Воронеж. За вопиющую беспечность и неспособность навести порядок они были отстранены от командования. Временным начальником дивизии остался начальник ее штаба, бывший офицер царской армии Щепкин. Примерно через месяц он перебежал к белым.

Прибыв в 12-ю пехотную дивизию, штаб которой находился на станции Олень-Колодец, я прежде всего принял все меры к тому, чтобы установить должный порядок и дисциплину. К счастью, вскоре нам прислали пополнение красных курсантов. Несколько человек я оставил при штабе. Они помогли мне устранить имевшиеся неполадки.

Мне особенно памятна встреча с Ионой Эммануиловичем Якиром, который пользовался заслуженным авторитетом среди командиров и политработников, всячески помогал им в самых трудных условиях боевой обстановки. В ноябре 1918 года Реввоенсовет 8-й армии направил И. Э. Якира на фронт. Он выехал в своем вагоне в город Острогожск. Дорога шла через узловую станцию Лиски. Отчаянным рывком белые заняли эту станцию и отрезали путь на Острогожск.

Оставив свой вагон на станции Олень-Колодец, Якир попросил меня дать ему верховую лошадь. Это был настойчивый, целеустремленный человек, и никакие непредвиденные случаи не могли заставить его отказаться от выполнения поставленной задачи.

Переправившись по мосту в районе Коротояк через Дон, Иона Эммануилович приехал в Острогожск и сосредоточил в своих руках командование всеми войсками, которые действовали в направлении Коротояк, Острогожск, Лиски. Не имея других средств связи, он информировал о своих действиях Реввоенсовет 8-й армии, находившийся в Воронеже, по телефону.

Быстро сориентировавшись в обстановке, Якир начал приводить в порядок сильно потрепанные и частью деморализованные войска. Главная задача заключалась в том, чтобы овладеть Лисками. Белые тем временем готовились к наступлению на Острогожск. Навстречу им ночью двинулся Богучарский полк. На рассвете богучарцы неожиданно напали на колонну противника, в составе которой были кабардинский, гренадерский и другие полки, входившие в группу генерала Григоровича. В результате сильнейшего удара неприятельские войска были вынуж-

дены поспешно отступать. Богучарцы продолжали активное преследование.

С севера Якир двинул на Лиски 114-й пехотный полк имени Карла Маркса. Нажим с юга, о котором говорилось выше, облегчил задачу. Однако от руководителя боевыми операциями Острогожской группы войск требовались большая воля, незаурядное мастерство и личная смелость. И Якир, тогда еще двадцатидвухлетний молодой человек, обладал всеми этими качествами. Даже анархиста Сахарова он сумел подчинить своему влиянию и полностью взять на себя руководство борьбой с белогвардейскими силами.

Бои были очень ожесточенными. Красноармейские атаки следовали одна за другой. Однако белые тоже дрались отчаянно и не раз отбрасывали наши части назад, к Острогожску. С риском для жизни Иона Эммануилович вновь и вновь, собрав бойцов, бросал их на врага. Я сказал — с риском для жизни, и не оговорился. Собирая и сколачивая разбитые подразделения, Якир иногда подвергался словесным оскорблениям, а один бандит из полка Сахарова ударом ружейного приклада в грудь сбил его с ног. Якир с трудом поднялся и тут же бросился к отступающим бойцам. Оставовив бегущих, он заставил их идти в атаку.

Сражение против белых, организованное Якиром, окончилось нашей победой. Лиски были освобождены, связь с Острогожском восстановлена. Обескровленный враг отступил за Дон. Блестяще выполнив свою задачу, Иона Эммануилович возвращался в Воронеж, чтобы приступить к исполнению обязанностей члена Реввоенсовета 8-й армии.

Ожидая поезда, он сутки провел на станции Олень-Колодец. Мне посчастливилось долго беседовать с ним. Несмотря на то, что И. Э. Якир был трижды ранен и контужен, он подробно рассказывал мне о минувших боях, о том, как были разгромлены белые под Лисками, как удалось ему справиться с Сахаровым и отобрать у него два батальона.

Откровенно говоря, я восхищался инициативой, находчивостью и энергией Якира. Вот один из эпизодов, имевших место в тот период.

Белоказаки, заняв станции Авдеевка и Давыдовка, окружили два бронепоезда и полк имени Карла Маркса.

Узнав, что после боя в районе Чесменка, Шишовка 1-й Московский полк 13-й дивизии отведен на отдых, Иона Эммануилович приехал на автомобиле в расположение этой части, объяснил командиру и комиссару сложившуюся обстановку. Полк подняли по тревоге и вместе с приданной ему батареей в ночь на 6 декабря незаметно для врага подтянули к Верхнему и Нижнему Икорцам.

На рассвете красноармейцы выбили казаков оттуда и, придя на помощь частям Лискинской группы, помогли полку имени Карла Маркса выйти из окружения, приостановить наступление противника на Давыдовку.

— Идет жесточайшее сражение с классовым врагом. И во имя судеб революции и Советской власти мы не должны, товарищ Чуев, жалеть ни крови своей, ни самой жизни. Только в этом случае мы отстоим святое дело нашего народа, — сказал в заключение Иона Эммануилович Якир, человек прекрасной души, настоящий герой гражданской войны.

Командование нашей дивизии возбудило ходатайство о награждении Якира орденом Красного Знамени. Наши части добились успеха под Лисками главным образом благодаря его энергии и организаторскому таланту. Кстати замечу, что полк Сахарова впоследствии стал вполне боеспособной и дисциплинированной советской воинской частью и получил награду — Красное знамя ВЦИК — тоже не без влияния И. Э. Якира.

В своем представлении мы писали о Якире: «Он проявил неустойчивую деятельность, железную волю и энергию. Не смущаясь ни временными неудачами, ни случайными поражениями, твердо веря в счастливый исход операции, товарищ Якир вел железной рукой подчиненных ему красноармейцев к победе. Непрерывный тяжелый труд в течение трех недель надломил его израпленный организм, но, уже будучи больным, он продолжал руководить операциями, собирая последние остатки сил, еле вставая с постели; товарищ Якир в грозные минуты, когда колебались полки, сам встал в их ряды на поле сражения... Неудачи не сломили железную волю товарища Якира, и РВС дивизии свидетельствует, что достигнутый успех... всецело должен быть приписан боевой деятельности Якира».

Представляя наше ходатайство в Москву, Реввоенсовет 8-й армии подчеркивал:

«Необходимо отметить, в каком положении находился т. Якир при исполнении поставленной ему боевой задачи. Прежде всего, организационное задание — суметь подчинить военной дисциплине... полк Сахарова, собрать и заставить сражаться разбитые, разбросанные остатки Александрo-Грушевского, Кексгольмского и Карла Маркса полков. Приходилось работать с ними как будто вновь.

Из-за оторванности правого фланга нельзя было рассчитывать ни на какую помощь, ни на какую поддержку. Да 8-я армия в то время и не могла ее дать. Предоставленный своим силам и имея перед собой только задачу, Якир исполнил ее, не смущаясь организационными и оперативными трудностями и временным неуспехом...»

Вскоре Иона Эммануилович стал одним из первых кавалеров ордена Красного Знамени.

По соседству с нашей 12-й дивизией действовала 13-я пехотная дивизия, в формировании которой, как уже говорилось выше, я принимал непосредственное участие. В августе мы значительно укрепили это соединение, пополнив его полки и придав ему второй артиллерийский дивизион. Дивизия имела отдельный кавалерийский полк, которым умело командовал бывший вахмистр старой армии И. Н. Домнич. Первым начальником дивизии был А. И. Ратайский, а комиссарами — герой Октябрьского восстания в Москве солдат-артиллерист Я. Л. Давидовский и член Воронежского губкома партии и товарищ председателя губисполкома солдат-пехотинец И. Я. Врачев. Они составили Реввоенсовет дивизии.

Этому соединению раньше других удалось перейти на новое штатное расписание. Причиной тому — значительный приток добровольцев, притягательной силой для которых был прославленный Богучарский полк (в январе 1919 года его передали в 12-ю дивизию).

В октябре 1918 года И. Э. Якир провел в 13-й дивизии около двух недель и помог командованию укрепить часть. Тогда же на должность начдива был выдвинут бывший капитан старой армии Б. Н. Колчигин, командовавший у нас Литовским полком и 4-й бригадой. В дальнейшем из него получился квалифицированный военачальник. В 8-й армии он командовал несколькими дивизиями, по окончании гражданской войны занимал ряд

высоких должностей в Красной Армии. Во время Отечественной войны Б. Н. Колчигин попеременно возглавлял несколько корпусов. Сейчас он генерал-лейтенант в отставке.

Когда атаман Краснов, собравший крупные силы, начал в октябре 1918 года наступление на воронежском направлении, в Воронеже губернские комитет партии и исполком депутатов трудящихся развернули активную работу по оказанию помощи фронту. В 13-ю дивизию влился отряд воронежских рабочих численностью в триста человек. Его возглавили наши замечательные большевики — командир Н. П. Павлуновский и комиссар В. Н. Губанов. Оба они погибли в бою у станции Таловая, героически сражаясь с врагами Советской власти.

Для нужд фронта железнодорожники изготовили два бронепоезда, а ревком Юго-Восточной железной дороги подобрал для них команды общей численностью свыше трехсот пятидесяти человек.

К ноябрю 1918 года в связи с угрожающим положением, создавшимся на Южном фронте, особенно на участках 8-й и 9-й армий, к нам стали поступать значительные пополнения. В частности, в нашу армию прибыла Московская рабочая дивизия, состоявшая из красных пролетариев столицы. Присылали нам и отдельные части: из Орла — Железный, из Москвы — Варшавский и 43-й советский полки. С Восточного фронта к нам еще в октябре прибыла 15-я Инзенская дивизия, укомплектованная главным образом добровольцами из крестьян Поволжья. Несколько позже наше объединение дополнилось еще двумя дивизиями — 16-й (имени Кивкидзе) и 33-й Кубанской, имевшей в своем составе много добровольцев, среди которых были бойцы из легендарной Таманской армии Е. И. Ковтюха. 8-я армия и сама формировала новые дивизии непосредственно в боевой обстановке.

В январе 1919 года, в связи с назначением председателем Военно-революционного трибунала 8-й армии, я выбыл из 12-й дивизии. Теперь ею руководили начдив В. В. Любимов, И. В. Косиор и С. И. Сырцов. Глубоко запечатлелись в моей памяти комиссар бригады Андрей Прищепчик, комиссары полков Владимир Голенко и Анатолий Попов — сын писателя А. Серафимовича.

По характеру новой работы я больше всего был связан с членом Реввоенсовета и начальником политотдела 8-й армии Р. С. Самойловой-Землячкой. Это была умная, строгая, но тактичная женщина.

Другой член Реввоенсовета — Розентольц также отличался незаурядными организаторскими и административными способностями, однако при этом был излишне суровым. Самые теплые, товарищеские отношения установились у меня с членом Реввоенсовета Г. В. Базилевичем. Это был человек замечательных душевных качеств и крупный военный организатор. Впоследствии он командовал войсками Северо-Кавказского и Московского военных округов, работал секретарем военной комиссии ЦК партии.

4 января 1919 года началось наступление 8-й и 9-й армий. В авангарде шла 15-я Инзенская дивизия. Ей активно помогали 12-я и 13-я дивизии. Спустя две недели наши войска прочно овладели линией железной дороги Лиски — Поворино, а к концу января Воронежская губерния была полностью освобождена от белоказачьих войск Краснова.

8-я армия готовилась к походу на Дон. 31 января белые были изгнаны из станицы Казанской, 5 февраля наши войска вступили в станицу Мигулинскую, а 9-го заняли Вешенскую.

Успешно продвигались вперед и войска соседней, 9-й армии, достигшие к тому времени рубежей реки Хопер и освободившие 9 февраля станицу Усть-Медведицкую.

Контрнаступление, начатое 8-й и 9-й армиями на центральном участке Южного фронта, переросло в общее наступление советских войск по всему фронту. Как известно, в ходе этого наступления была разгромлена белоказачья армия генерала Краснова: из восьмидесяти пяти тысяч штыков и сабель, имевшихся у белых в конце декабря 1918 года, за Северный Донец отошло не более пятнадцати тысяч.

До сих пор в памяти остался такой эпизод. Когда штаб 8-й армии прибыл в Луганск, белые предприняли отчаянную попытку перейти в контрнаступление. Создалась реальная угроза для города. Командование армии решило эвакуировать штаб на станцию Миллерово. Мы предполагали, что городские организации, учреждения и

важнейшие предприятия тоже начнут эвакуацию. Однако горком партии принял другое решение. Он мобилизовал всех рабочих, способных держать оружие, и организовал отпор белогвардейцам. Тысячи новых бойцов вышли на фронт. Поле боя зачернело от рабочих курток. Белые под Луганском были разгромлены и в панике бежали на юг.

Однако успех частей 8-й армии был омрачен неожиданными обстоятельствами. В десятых числах марта 1919 года в наших взаимоотношениях с донским казачеством наступил острейший кризис: началось Вешенское восстание. Сначала мятеж вспыхнул в станице Казанской. В ночь на 11 марта сотник Егоров поднял по казачьему сполуху до двух тысяч человек и разгромил наш артиллерийский транспорт с полумиллионом ружейных патронов и пятнадцатью пулеметами. Затем восстание перекинулось в Вешенскую, Мешковскую и другие станицы.

На другой день казаки были уже организованы в сотни и полки, которыми руководил штаб из казачьих офицеров. Через неделю мятеж распространился на юг. Возникла угроза объединения повстанцев с Добровольческой армией Деникина.

Причины казачьего восстания объяснялись ошибками ряда местных партийных и советских руководителей в отношении к казачеству. Это вызвало недовольство в определенных кругах населения. Оно усиливалось пропагандой антисоветских элементов.

Учитывая, что белоказачье восстание стало представлять реальную угрозу для Советской власти, Реввоенсовет Южного фронта организовал экспедиционные войска во главе с Антоновичем, а затем Т. С. Хвезиным. В район восстания прибыл член Реввоенсовета Южного фронта крупный политический деятель того времени Г. Я. Сокольников. Он действовал в качестве особого уполномоченного ЦК партии и Реввоенсовета Республики.

Из 12-й дивизии в состав экспедиционных войск были переданы 103-й (Богучарский) и 106-й (Кексгольмский) стрелковые полки. В Богучаре, куда стекались добровольцы из южных уездов Воронежской губернии, был создан Богучарский резервный полк и сформировался отряд в тысячу двести бойцов из тыловых частей армии. В апреле организовалась экспедиционная дивизия. Затем на по-

давление восстания было переброшено поступившее в нашу армию пополнение из тамбовских, рязанских, орловских и московских курсов красных командиров.

Экспедиционная дивизия вела напряженные бои в районе станиц Вешенская, Казанская, Мигулинская, имея против себя до шести тысяч повстанцев.

Это было трудное время, тем более, что весной 1919 года в нашем тылу восстала запасная бригада 8-й армии, расположенная в Купянске. Собственно, восстали бывшие офицеры, находившиеся на командных должностях. Основная же масса красноармейцев сохранила верность Советской власти.

Отступая под натиском наших частей из Купянска, изменники бросили в подвал, куда они заточили коммунистов бригады, две ручные гранаты. Товарищи не растерялись и выбросили гранаты через окно на улицу.

Большинство мятежников мы арестовали и предали суду Ревтрибунала. Из шестидесяти подсудимых к высшей мере наказания — расстрелу — приговорили сорок восемь человек.

В мае положение еще более осложнилось: для соединения с восставшими казаками Деникин направил конную группу войск генерала Секретева. Форсировав Северный Донец, Секретев прорвал наш фронт и устремился к повстанцам. Экспедиционные войска, теснимые конницей белых, начали отступать.

Деникинцы, превосходившие нас в силах, продолжали наступление. 2 июля они взяли станции Лиски и Таловую. 3 июля Деникин издал так называемую «Московскую директиву», предусматривающую переход в общее наступление с целью захвата столицы. 8 июля белые заняли Борисоглебск и Бобров.

В числе пяти укрепленных районов, призванных обеспечить защиту наиболее важных административных и стратегических пунктов, создавался укрепрайон и в Воронеже. Его командиром был назначен старый большевик К. С. Еремеев, прибывший незадолго перед этим в город как уполномоченный ВЦИК. Членами Совета обороны укрепрайона стали председатель Воронежского губкома РКП(б) Н. Н. Кардашев и член губкома М. Д. Степанов.

Июльский Пленум Центрального Комитета партии

принял очень важные решения, направленные на оказание экстренной помощи Южному фронту в борьбе с контрреволюционными силами Деникина.

В связи с решениями Пленума в начале августа в 8-ю армию прибыла 15-я Инзенская дивизия во главе с А. И. Седякиным, а также боевые силы стратегического резерва Центра. В прифронтовой полосе повсюду проводился мобилизации военнообязанных. Фронт срочно получал оружие. Из Тулы и артиллерийских арсеналов поступали боевые припасы.

Накануне больших испытаний, выпавших на долю 8-й армии, меня назначили комиссаром оперативного отдела штаба армии — на один из самых ответственных участков боевой работы.

Воронеж стал прифронтовым городом. Вскоре Деникин двинул на этот важный стратегический центр Донскую армию под командованием генерала Сидорина, а конный корпус Мамонтова получил задачу прорваться через фронт для разрушения наших тылов.

10 августа мамонтовцы, имевшие три кавалерийские дивизии, до десяти тысяч сабель и штыков, и двенадцать орудий, ударили в стык войск 9-й и 8-й армий у железной дороги в районе Елань, Колоно и Новохоперская.

Основной натиск противника пришелся на 357-й и 358-й полки 40-й дивизии (сформирована в Воронеже; начдив П. С. Грживо-Домбровский, генерал старой армии, бывший начальник черноморской дивизии), которые обеспечивали стык с 36-й дивизией 9-й армии. Красноармейцы и командиры оказали героическое сопротивление белоказакам, но, не получив своевременной помощи от других частей, растянутых на большом участке фронта, вынуждены были отойти к реке Елань.

Оттеснив одновременно и части 36-й дивизии, Мамонтов всеми силами корпуса устремился в двадцатиклометровый прорыв на Таловую, Лиски, Воронеж. Однако, встретив упорное сопротивление со стороны остальных частей 40-й дивизии, он изменил маршрут рейда и направился на Тамбов, Козлов.

В августе белогвардейцы заняли Тамбов, Козлов, Раянбург, Лебедянь, Елец...

Мамонтовский рейд причинил нам величайший вред. Белоказки разрушали линии связи, захватывали важнейшие узлы коммуникаций, нарушали связь полевых

войск со штабами и органами снабжения, грабили население городов и сел, сеяли панику.

Для борьбы с корпусом Мамонтова был образован Внутренний фронт во главе с членом Реввоенсовета Южного фронта М. М. Лашевичем. Постепенно росли его силы, накапливался опыт. 22 августа войска Внутреннего фронта вышибли белоказаков из Тамбова, а 26 августа изгнали из Козлова.

3 сентября Мамонтов круто повернул на юг с целью захвата Воронежа и соединения с корпусом Шкуро. При этом мамонтовцы разделились на три колонны: генерал Постовский двигался в направлении Касторная, Нижнедевицк, Воронеж, генерал Толкушин наступал на Задонск, Землянск, Воронеж, Мамонтов шел вдоль железной дороги на Грязи, Усмань, Воронеж.

Начальник воронежских пехотных курсов А. К. Луполов и комиссар И. Ф. Федоров, объединившие все воспные силы Задонска, оказали сильное сопротивление колонне генерала Толкушина. Однако силы были не равны. 4 сентября после ожесточенных уличных боев Задонск пал. 6 сентября генерал Постовский занял Касторную, а третья колонна мамонтовцев овладела станцией Грязи, затем Усманью.

Тем временем в Воронеже шла энергичная подготовка к сражению с белогвардейцами. Части укрепрайона были выведены на боевые позиции. Спешно формировались новые отряды. Политотдел Юго-Восточной железной дороги выставил отряд в пятьсот человек (командир Озеров, комиссар Родин). На общем собрании губвоенкомата было решено прекратить работу и всем способным владеть оружием отправиться на фронт. Отряд губвоенкомата был пополнен добровольцами других учреждений и преобразован в батальон, которым командовал мой брат В. А. Чувев. Воронежский уездный военный комиссар Д. З. Протопопов сформировал и возглавил отряд из служащих уездных учреждений.

Перед лицом нависшей опасности трудящиеся Воронежа сплотились вокруг коммунистов и вместе с регулярными частями Красной Армии мужественно сражались с врагами Советской власти.

7 сентября мамонтовцы вплотную подошли к городу, а 8-го пачали обстрел его восточной части, пытаясь одновременно форсировать Дон у станции Семилуки. 9 сеп-

тября противник обстрелял окраины Воронежа, затем предпринял наступление в районе Ямное, Подгорное. Однако атаки белых были успешно отбиты.

На следующий день белоказаки захватили завод Рихард-Поле и двинули свою авангардную группу на городские кварталы. Путь врагу преградили рота курсантов и отряд Д. З. Протопопова. Бой длился восемь часов. Не добившись успеха, к вечеру мамонтовцы отошли в Подгорное. 11 сентября белые предприняли ряд ожесточенных атак на город с разных направлений, а на рассвете 12-го перешли в атаку по всему фронту и просочились в город. Но успех противника был непрочным. Батальон воронежских курсантов под командованием Крылова, бросившись в атаку, изгнал белоказаков из района Сельскохозяйственного института. Борьба не прекращалась и в ночь на 13 сентября. А утром все части укрепрайона и местные отряды перешли в контрнаступление и к 15 часам полностью очистили город от неприятеля.

Отступив из Воронежа, Мамонтов начал метаться по фронту в поисках слабого места для прорыва. Войска укрепрайона преследовали мамонтовцев и вместе с полевыми частями наносили ему удар за ударом. Особенно большие бои были в двадцати пяти — тридцати пяти километрах южнее Воронежа — у Левоу Россоши, Боева и Каменки.

Только 19 сентября, когда на помощь Мамонтову пришел корпус Шкуро, мамонтовцам удалось оторваться от наших войск в районе села Осадчее.

Реввоенсовет Южного фронта в особой телеграмме, посланной всем армиям, высоко оценил мужество защитников Воронежа. Батальон воронежских пехотных курсов командного состава был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

В сентябре в районе Лиски, Бобров противник сосредоточил крупные силы, состоявшие из четырех дивизий и одной отдельной бригады, общей численностью до сорока тысяч человек.

Основная тяжесть защиты станции Лиски легла на 2-ю бригаду 40-й дивизии и части 33-й Кубанской дивизии. Деникинцы неоднократно и в разных местах пытались форсировать Дон и закрепиться на его левом берегу. И тем не менее, несмотря на свое численное прево-

сходство и ожесточенность атак, они так и не смогли захватить этот важный в стратегическом отношении пункт. В течение 21—23 сентября против 357-го (бывший 107-й Волчанский) стрелкового полка белые предприняли десять атак и всякий раз откатывались назад.

В упорных и ожесточенных сентябрьских боях части 40-й дивизии потеряли до половины своего личного состава, но потери противника, особенно под Лисками, были гораздо больше. Там, в частности, были убиты генерал Максимов, два полковника, ранены генералы Гусельщиков и Татаркин, коштужены Мамонтов и Шкуро.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом, 357-й и 355-й полки были награждены Красным знаменем ВЦИК, а командир 357-го полка В. С. Ртищев — орденом Красного Знамени.

После победы над войсками Мамонтова красноармейцам, командирам и политработникам частей 8-й армии предстояли новые тяжелые испытания. 20 сентября Деникин овладел Курском и направил свои армии на Орел и Тулу. Таким образом, занимая позиции на рубежах Дона от Павловска до Воронежа, 8-я армия оказалась глубоко вклинившейся в фронт противника.

Деникин отдал приказ Донской армии Сидорина разгромить 8-ю армию, вновь захватить станцию Лиски, овладеть Воронежем и двигаться на Москву. Против войск нашей армии действовали две сильные ударные группы белых: в районе Павловск — Лиски 2-й и 3-й донские корпуса, в районе Воронежа — кавказский конный корпус Шкуро и 4-й донской (вновь сформированный) корпус Мамонтова.

В конце сентября под сильным давлением белых части правого фланга 8-й армии отошли к селу Борщево, а левый фланг 13-й армии (наш сосед справа) оказался потесненным к городу Нижнедевицку. Образовался прорыв до сорока километров шириной. Путь противнику на Воронеж прикрывали главным образом те отряды, которые принимали участие в боях с конницей Мамонтова.

Шкуро, захватив 27 сентября Нижнедевицк, ринулся на слабо прикрытый правый фланг 8-й армии. В то же время корпус Мамонтова, используя благоприятную для него обстановку, двинулся по направлению к станции Таловой и 1 октября захватил ее.

Всю ночь на 30 сентября и следующий день шли ожесточенные бои с белоказаками, остервенело рвавшимися к Воронежу. К вечеру 30 сентября части укрепрайона были вынуждены оставить город. Однако к утру 1 октября от 12-й дивизии прибыло подкрепление. Защитники города вместе с новыми частями предприняли решительные контратаки и отбросили белых с левого на правый берег реки Воронеж.

В конечном итоге под напором противника части 12-й дивизии были вынуждены отойти к Придаче, а затем к Графской. 1 октября Воронеж пал. Отход войск 8-й армии прикрывали 13-я и 16-я дивизии. Несколько слов о 16-й кавалерийской дивизии. Ее сформировал штаб 8-й армии. Командовал соединением коммунист С. Б. Волынский, сыгравший значительную роль в борьбе с белогвардейским корпусом Шкуро.

Взятие Воронежа досталось дорогой ценой противнику: корпус Шкуро оказался настолько ослабленным, что после захвата города не смог продвинуться далее Землянска, оказавшись не в состоянии выполнять директиву Деникина о развитии наступления в общем направлении на Москву.

Оказавшись в нашем тылу, Мамонтов снова начал разбойничьи набеги на города и села. Для борьбы с ним из состава Юго-Восточного фронта был выделен конный корпус С. М. Буденного. По мере его приближения Мамонтов начал поспешно отходить, избегая столкновения с красной конницей. В ночь на 4 октября он оставил Таловую и, взяв курс на Воронеж, 5 октября соединился с корпусом Шкуро в районе Усмани (Собакино) и южнее, у станции Давыдовка — с 3-м донским корпусом.

Продолжая преследовать войска Мамонтова, буденновцы 6 октября вошли в зону действий 8-й армии, 7-го заняли позиции восточнее Воронежа вдоль рек Икорей и Дон. Здесь вместе с войсками 8-й армии они сковали действия конных корпусов Мамонтова и Шкуро, которые вынуждены были отсиживаться в Воронеже.

В порядке отступления от рассказа несколько слов об одном неприятном случае. Когда под очень сильным нажимом белых мы оставили Воронеж, штаб армии переехал в Козлов (ныне Мичуринск), а потом в Мордово, Тамбовской губернии. Во время пребывания в Козлове начальник штаба — бывший полковник Бдовьев-Кабар-

динцев перебежал к белым, захватив с собой ценные документы. Таким образом, генерал Май-Маевский получил самые подробные и свежие данные о 8-й армии и некоторые сведения обо всем Южном фронте.

По окончании гражданской войны И. Э. Якиру пришлось побывать в Берлине, где он учился в Академии Генерального штаба и одновременно читал лекции о гражданской войне в нашей стране. Позже Иона Эммануилович рассказывал мне, что однажды его встретил изменник Вдовьев-Кабардинцев и обратился к нему с просьбой походатайствовать перед Советской властью о его прощении и разрешении ему вернуться на родину. Якир ответил, что в случае возвращения Вдовьева-Кабардинцева в нашу страну он может походатайствовать, чтобы его не повесили, а расстреляли.

— На этом разговор с предателем был закончен, — сказал Иона Эммануилович.

Приближалось время решительного сражения с Деникинским. Партия и правительство приняли все меры к тому, чтобы Южный и Юго-Восточный фронты получали помощь во все возрастающих размерах. Всего в сентябре — ноябре 1919 года на юг прибыло триста двадцать пять тысяч человек.

К началу общего наступления на врага войска Южного фронта имели 113,7 тысячи пистолетов и сабель, 2507 пулеметов, 575 орудий, 13 бронепоездов, 6 бронелетучек и 5 самолетов против 110 тысяч пистолетов и сабель, 1342 пулеметов, 339 орудий, 41 бронепоезда, 22 бронемашины, 18 танков и 26 самолетов деникинцев.

14 октября начались согласованные, проходившие по единому оперативному плану боевые действия двух фронтов. Первыми Курскую операцию начали конный корпус Буденного и войска 8-й армии, а на второй день в наступление пошли части 13-й и 14-й армий.

В первый день сражения буденновцы и войска 8-й армии в результате ожесточенных боев потеснили корпус Шкуро в районе Бытовой, Бобяково, Усмань (Собакино), Можайское, Тресоруково. 19 октября Шкуро и Мамонтов двинули свои корпуса в контрнаступление. Выставив часть сил для обороны, С. М. Буденный направил основную массу конников в обход противника. Замысел

блестяще удался: Шкуро потерял две дивизии, Мамонтов — одну.

Успех окрылил бойцов буденновского корпуса, и они перешли в наступление по всему фронту. Вскоре корпус красных конников приблизился к восточной окраине Воронежа — станции Отрожка. Активно действовали и войска 8-й армии, отбивая атаки противника и переходя в наступление. Под Орлом и Кромами части Красной Армии разгромили ударные силы деникинцев и 20 октября освободили Орел.

22 октября конный корпус Буденного и войска 8-й армии начали общее наступление с целью освобождения Воронежа. Конница заняла Рамонь, а пехота — станцию Масловка.

На рассвете 23 октября началось решительное сражение. К исходу дня красные конники при поддержке отрядов воронежских рабочих заняли Придачу и Отрожку. Утром следующего дня части корпуса Буденного и 12-й дивизии 8-й армии с ходу форсировали реку Воронеж и повели наступление на город одновременно с севера, востока и юго-востока. Преодолев ожесточенное сопротивление белых, 12-я стрелковая дивизия под командованием А. Г. Ревы вступила в Воронеж с юга, а части 4-й кавалерийской дивизии во главе с О. И. Городовиковым вошли в город с севера. Противник, бросая оружие, панически бежал. Воронеж, находившийся под властью белогвардейцев двадцать четыре дня, снова стал советским.

Однако деникинцы продолжали упорствовать. Оказав сильное давление на части 8-й армии в районе Боброва, станции Таловой, они вынудили их к отходу на север. Более того, собрав крупные силы, противник 8 ноября из района Лиски, Бобров перешел в наступление на Воронеж.

Мы снова утратили локтевую связь с 9-й армией и вынуждены были вести очень тяжелые бои. Теснимые конницей противника, войска левого фланга армии отходили на север, к Воронежу. Реввоенсовет фронта срочно выделил нам значительное пополнение: бригаду запасной армии, пять тысяч бойцов из резерва Центра, бригаду из фронтового резерва и другие части. Получив подкрепление, войска 8-й армии стали переходить в контратаки, вынудив наконец белых перейти к обороне.

12 ноября войска нашей армии перешли в наступле-

ние. Началось осуществление Лискинско-Бобровской операции в районе между реками Дон и Битюг. Первыми вступили в бой 40, 13 и 31-я дивизии, а на следующий день — 15-я и 33-я. Наступление развивалось успешно, наши войска отбивали у противника населенные пункты и день за днем настойчиво продвигались вперед.

Блестящая победа, одержанная конным корпусом Буденного у станции Касторная, где 15 ноября были разгромлены казачьи корпуса Шкуро и Мамонтова, в немалой степени способствовала изменению обстановки в нашу пользу. Во второй половине ноября и весь декабрь войска 8-й армии наступали почти безостановочно. К концу декабря вся Воронежская губерния была освобождена от белогвардейских захватчиков. Наши части и соединения вышли к реке Северный Донец и, быстро форсировав ее, вступили в Донскую область.

Наступление 8-й армии проводилось в тесном контакте с 9-й армией, что обеспечивало связь Южного и Юго-Восточного фронтов. В общем натиске на Новочеркасск, Ростов 8-й армии принадлежала выдающаяся роль, а в ее составе особенно отличилась 40-я дивизия, которая шла с боями вдоль Юго-Восточной железной дороги.

Деникин не смог ни приостановить, ни даже задержать на какое-нибудь значительное время стремительного наступления наших войск.

8 января 1920 года частями Первой Конной и 8-й армий был освобожден Ростов. Здесь в уличном бою погиб один из комиссаров славной 40-й дивизии Л. Л. Львов. Второй комиссар — И. Я. Врачев — находился на своем посту до окончательного разгрома Деникина.

Нам не удалось форсировать с ходу нижний Дон. Войскам предстояло овладеть батайско-азовским плацдармом, где денкинцы, используя топографические особенности местности, организовали прочную оборону. Для этого требовалось время. Ряд попыток прорвать оборону противника у нижнего течения Дона, по линии Азов — Батайск — Ольгинская, окончился неудачей.

Наконец 14 февраля 1920 года началось общее наступление войск Кавказского фронта, образованного из Юго-Восточного и двух армий Южного фронтов — 8-й и Первой Конной. Как и прежде, войскам 8-й армии отводилась важная роль: они наступали в общем направлении

на Новороссийск. Город был взят в ночь на 27 марта совместными усилиями частей 8-й и 9-й армий. Часть белогвардейских войск сдалась в плен, а часть из них мы сбросили в море. Остатки армии Деникина во главе с бароном Врангелем бежали на Крымский полуостров. Но судьба их уже была предрешена: карающий красный меч настиг врага и на земле Таврии.

Таков боевой путь 8-й армии в самом общем, почти схематичном аспекте.

В заключение следует сказать о командующем армией Г. Я. Сокольникове. В критический момент битвы за Воронеж он был поставлен во главе 8-й армии единоначальником, без Реввоенсовета. Этот первый опыт в истории Красной Армии оказался удачным. Г. Я. Сокольников а короткий срок навел порядок в 8-й армии, повысил боеспособность ее войск и обеспечил успешное проведение крупнейших наступательных операций вплоть до разгрома денкинщины.

Еще в марте 1920 года, до взятия Новороссийска, Совет Обороны вынес решение о преобразовании 8-й армии в Кавказскую трудовую армию и определил ее главные задачи: восстановление грозненских и майкопских нефтяных промыслов, снабжение страны нефтью и хлебом.

Районом деятельности армии являлся весь Северный Кавказ. Ее командующим назначили И. В. Косиора, помощниками по политической части — И. Я. Врачева, по административно-хозяйственной — А. А. Медведева.

Штаб трудовой армии, находившийся в Грозном, направил меня на работу по восстановлению майкопских нефтяных промыслов. Однако вскоре я получил назначение на должность комиссара оперативно-мобилизационного управления штаба Кавказского фронта. Затем по просьбе Донского областного комитета партии меня назначили председателем ревтрибунала Донской области. Спустя некоторое время я был избран заместителем председателя, потом председателем Добоблисполкома.

Жизнь постепенно переходила на мирные рельсы. Казачество Дона, где еще недавно гремели жестокие бои, стало строить новую жизнь, жизнь без атаманов и богатеев, по закону равенства и дружбы, ставшему законом для всех советских людей.